

СЕРЖ КОРСАКОВСКИ

ОРДЕН

ХОХОЧУЩЕГО ПАТРИКЕЯ

САТИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

16+

Серж Корсаковски

Орден хохочущего Патрикеея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44086650

SelfPub; 2021

Аннотация

Сатирическая повесть о приключениях авантюристов Эдварда, Зули и рыжего шалолая по имени Воник, которым в руки случайно попал древний артефакт в виде золотой медали с изображением смеющийся лисы. И какие веселые приключения им пришлось пережить, прежде чем они узнали настоящую ценность старинной вещи. Повесть будет интересна всем читателям, которые любят веселое доброе чтение с элементами приключения.

Содержание

1 Глава	9
2 Глава	18
3 глава	24
Коварный план	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Серж Корсаковски Орден хохочущего Патрикея

ПРЕДИСЛОВИЕ

Действие ночи немного ослабевало. Мыши в углу, давясь и отплевывая, быстро доедали несгоревшую свечку. А в дальнем углу комнаты на дырявой, как дуршлаг, соломенной циновке валялся немолодой китаец и, обняв чумазой рукой уродливую деревянную лошадь, мирно похрапывал.

Предрассветную идиллию внезапно нарушил стук в дверь. Тяжелые глухие удары – предположительно, чьего-то пудового кулака – не смогли разбудить спящего: он потёр пяткой о пятку и кардинально сменил тональность храпа с баса на фальцет.

Стук, усилившись, повторился. В конечном итоге дверь, распрощавшись с замком, хрустнула и гостеприимно распахнулась, едва не слетев с петель.

В комнату ввалились три пестро одетых молодца. Судя по манерам и обмундированию, люди, похоже, серьезные – из числа тех, кто не дает оскудевать имперской казне, то есть из гвардии Поднебесной – оплота государственности. Такие от нечего делать по утрам шастать не станут: только если кто-то что-то нарушил, или если кто-то донес...

– Эй, вы! Поднимите-ка этого спящего красавца и усадите. Да попрочней закрепите-то! Ему надо много вспомнить и еще больше рассказать, – рявкнул старший из троицы, указывая пальцем на храпящего в соломе китайца.

Приказ был выполнен расторопно. Двое гвардейцев подхватили тело под микитки, встряхнули, утвердили вертикально на колченогом топчане, после чего окатили водой и пару раз ударили по лицу – для тонуса. В общем, привели в чувство.

– Исполнено! Очнулся. Говорить может... Кажется...

Старший приблизился к очумело тарашившемуся бедолаге, наклонился и сурово посмотрел прямо в глаза:

– Ты, подлец, понимаешь, кто перед тобой?! Я, то есть мы, из гвардии светлейшего императора нашей светлейшей державы! Мы тут не просто так! Мы на страже закона! Нам государь покой и порядок доверил! И никто! Заметь, никто – и тем более ты – не уйдет от наказания! Уяснил?! А теперь давай напрягай память и живо говори: куда дел? И сколько? Кто сообщники? Детали не забудь! А то без суда и следствия сбросим тебя с Великой Стены – и весь сказ! Вы! – обернулся он к помощникам. – Что застыли-то?! Продолжайте искать!

Пока грозный страж законов Поднебесной произносил свой в высшей степени убедительный монолог, хозяин каморки поглубже втянул бритую голову в узкие плечи, пару раз горько всхлипнул и задумался о жизни.

Да... Все-таки хорошо ему жилось раньше! Днем плел

незатейливые циновки, по ночам сочинял немудреные стишки. И тут – зарости-пожалуйста, как снег на голову с месяца назад появились откуда-то эти два проходимца! Подошли к нему на рынке, да за стаканом доброго «Маотая» и напомнили ему про его талант монетки изготавливать фальшивые – от императорских ни за что не отличить... И медали... Все вспомнили. Глупцы! Но он же – Будда свидетель! – поначалу отказывался, как мог. Сопротивлялся!

Но слаб человек! Сначала напоили допьяна, лиходеи. Усадили в шашки играть на интерес. Дальше, понятное дело, проигрался вдребезги. А тут предложение: ты, мол, медальки чекань, а мы продавать будем. Все разбогатеет. Про долг не вспомним!

Как отказаться?! Медалька-то приметная: сама золотая, а по центру – лисья морда зло скалится, зубы кажет. Вылитый Божественный Сын Неба! Этих медалек на императорском монетном дворе напечатали самую малость. Видно, решил государь, что сходство его священного лица со звериным подрывает основы основ и плодит крамолу.

И ведь не ошибся! Подрывает! Пока Владыка Десяти Тысяч Лет неусыпно печется о благоденствии подданных, строит Великую Стену, на которой, кстати, эти неблагодарные мрут, как мухи, он – тля предательская – фальшивки осмелился делать! На доход государственный посягнул!

Подлец он, конечно, но не конченный: вместо золота медь взял, а вместо зверского оскала отчеканил лисице улыбку во

всю пасть! Чтобы, значит, сразу всем было видно – не настоящая медалька. Чтобы искусителей этих с поличным взяли и наказали примерно.

Ан не вышло. Сюда пришли...

Где они теперь, медальки веселые?.. Ох! Он же их сам, пьяный, вчера по округе раскидал... Может, дома и не осталось ни одной... Может, пронесет... Не найдут...

Он робко приоткрыл глаза и посмотрел на главного: увы, очевидно, гороскоп на сегодня кое-кому удачи не сулил. Страж Империи, сладко улыбаясь, вертел в пальцах золотистый кругляш, с которого – никаких сомнений – улыбалась злополучная лисица.

«На кол посадят, или так, пожизненное?» – потекли в голове тоскливые мысли.

– Нашел! Я его нашел, Жуй Сам сяншен! – радостный возглас одного из гвардейцев отвлек главного от созерцания.

– Смотри-ка! Почти новый! – он приподнял ветошь, под которой притаились медный аламбик с трубочкой-спиралью и спиртовка. От находки нестерпимо разило перебродившей кислотой: – Фу, воняет! Видно, вечером вчера гнал. Ты что ж, собака, самогоном промышлять вздумал?! Рисовкой, значит... Решил, не узнают?! А пошлину кто платить будет?! Ли Бо?! Собирайся! В яме поразмышляешь!

– Жуй Сам сяншен! – внезапно подал голос один из бойцов. – Прости, что осмелился, но яма-то занята... Помнишь, ты вчера еще сетовал, что туда теперь и кот не поместится?

– Кот?! Какой кот? А, точно!.. Значит так. Ты, злодей, за плетью после обеда придешь. И заодно деньги в казну принесешь. И нам за беспокойство. Все понял?! – он еще раз задумчиво посмотрел на медаль. – Надо же, улыбается лиса-то. И на Императора нашего похожа, пусть живет он тысячу лет и больше. Только Сын Неба грозен, улыбаться не станет!

Доблестный воин сунул блестящий кружок в карман, но тот проскочил сквозь дыру в подкладке, глухо шлепнулся перед порогом на земляной пол. Так и остался лежать, не замеченный.

Как только гвардия покинула каморку, до смерти перетрусивший хозяин подобрал медаль, выкинул за дверь спасший его самогонный аппарат, покидал в котомку вещички и немедленно покинул жилище через окно. Велика Поднебесная – может, не отыщут!

Только ненадолго задержался у подножья строящейся Стены, достал злополучную фальшивку и запулил ее как можно дальше, словно избавляясь навек от предательской вещи, сулившей ее владельцу крайнюю меру наказания.

А «награда» еле слышно брякнула о камень и сгнула где-то в траве, пропав с глаз на очень долгие годы.

1 Глава

А по ночам мне снится конь... Или о том, как старая лошадь разбила лоб и мечты

Ночной город, уютно устроившийся в лощине между чахлыми сопками, напоминал кита. Огромного черного кита, которого внезапная волна выкинула на берег, и теперь он тяжело дышал всей своей стопудовой тушей и подавал признаки жизни: моргал фонарями, сигналил автомобильными клаксонами, хрипел докучливыми шлягерами из злчных заведений.

По статистике, на двадцать девятое февраля текущего года в туше кита, то есть города, проживало энное количество добропорядочных, и не только, налогоплательщиков, а с ними коты, собаки и прочие попугаи.

Из достопримечательностей в городе имелись пожарная каланча и деревянная статуя черепахи, вышедшая из-под резца местного ваятеля-алкоголика. Центральную площадь традиционно украшала лужа, размерами с небольшое озерцо, чья глубина варьировалась от времени года, но даже самое засушливое лето не избавляло горожан от опасной переправы по хлипким мосткам. А на окраине города высилась

титанических размеров навозная куча, которая наводила на мысль, что бесчисленные стада мамонтов водились здесь еще вчера.

Город пересекали три дороги, две из которых, бесследно впитав вековой бюджет дорожного хозяйства, заходили в тупик. А третья, служащая связью с внешним миром, состояла, в основном, из ям, ухабов, бездонных трещин, и чинить ее никто не собирался. Все равно раздолбают: если не грузовики с тракторами, то скейтбордисты и велолюбители. Так думали местные власти.

По этой самой дороге навстречу огням небольшого города шел человек. Он с трудом передвигал ноги под тяжестью всевозможного походного скарба, очевидно, рассчитанного на долгое путешествие.

Звали человека Никанор, а по отчеству... впрочем, отчество никакого значения не имело, потому что был он «перекати-поле» – авантюрист, искатель Золотого руна, золота Колчака и других разбросанных по белу свету кладов, которые не успели еще достаться другим авантюристам.

В этом крайне неудобном и даже опасном образе жизни виновата была мечта, пустившая корни еще в босоногом детстве, с годами выросшая прямо-таки в пламенную страсть.

Наш герой рос любознательным и абсолютно бесстрашным ребенком. Благодатное сочетание этих двух качеств время от времени наталкивало родителей на мысль, что с таким задором сынок долго не протянет и, может, стоит при-

душить мерзавца прямо сейчас, чтоб не мучился.

Тятенька, обладатель громадных кулаков и такого же размера души, закусив после третьей, пророчил отпрыску или великое будущее, или преждевременную кончину: «Ты у меня, Никанорка, хоть и бестолочь, но любопытство имеешь. Считай, Ломоносов. Михал... Как его?! Сергеич, – выпивал четвертую, хрустел огурчиком и резюмировал: – Ждет тебя великое будущее. Ученым станешь... или сдохнешь под забором, идиот!»

Сынок же после противоречивого папенькиного прогноза не мучился туманностью предсказанного, а немедленно мчался дальше, чтобы сунуть свой нос «куда не следует».

Судьба юного Никанора определилась в высшей степени нелепо и неожиданно. Одним теплым августовским вечером он, накушавшись недозрелых слив, был вынужден торчать в отхожем месте, пролистывая потрепанный номер безымянного журнала. Там и попалась ему на глаза роковая статья.

В ней самым занимательным образом рассказывалось об искателе приключений, который в поисках редкой золотой монеты и других ценных – и, главное, ликвидных! – антикварных вещичек, побывал в сотне стран и исплавал десятки морей. Последние страницы истории были утеряны, но по всему выходило, что тот горе-путешественник ничего особенного не нашел, а значит, сокровища еще покоятся на своих местах, дожидаясь Никанорова прихода.

Идея поиска кладов поразила в самое сердце и завладела

им полностью, как первая любовь.

Довольно скоро стало очевидно, что это дело требует серьезной теоретической подготовки.

Молодой человек зарылся в книги и справочники, собирал слухи и версии. Информация стоила денег. Чтобы добыть необходимые средства, Никанор сдавал макулатуру, металлолом и пустые бутылки. Сбыл даже бабушкин старинный самовар. Правда, родственники не считали эту сделку коммерчески успешной: заплатили ему за семейную реликвию, как за медный лом. Но всем известно, что враги человеку – домашние его, и нет пророка в своем Отечестве!

Итак, все было готово к тому, чтобы птица удачи стала его постоянной спутницей – как попугай при пирате. Единственное, Никанор никак не мог выбрать: то ли для начала попроситься в компанию к бывалым авантюристам, то ли искать свой собственный путь. Чтобы все-таки определиться, он приобрел у старьевщика репринтный путеводитель, третий том энциклопедии, начинавшийся с буквы «з», и непонятного генезиса книжонку, где были собраны воспоминания разных товарищей, представляющих якобы, где зарыты клады.

Среди записей попадались перспективные и не очень. Например, запутанная история про китайский орден с лисьей мордой на аверсе: то ли скалилась лисица, то ли улыбалась, то ли на императорском монетном дворе печатан, то ли фальшивка – ничего не понятно. Как такое искать?! Можно

всю жизнь положить, а остаться с носом! Лучше уж пустыни вскапывать. Авось подфартит, как Шлиману – какая-нибудь Троя отыщется.

Ветеран труда, заслуженный и старейший работник пожарной каланчи по прозвищу Гриб-Папирус, смотрел в такую же заслуженную, как он сам, самодельную подзорную трубу, тщась узреть источник шума, мешающий ему, человеку тонкому и чувствующему, сосредоточиться, наконец, на глобальных проблемах мироустройства. Он сначала направил окуляр в небо, но ни инопланетян-захватчиков, ни каких-нибудь случайных метеоритов не обнаружил и опустил телескоп ниже к земле. Его взору открылась большая куча навоза со стоящими в ней по пояс двумя местными пройдохами. Но причиной недопустимо-громких звуков были не они, а четверо молодых людей и одна деревянная черепаха, которую они волокли, беспрестанно переругиваясь между собой.

Гриб-Папирус напрягся: это была не просто черепаха – памятник деревянного зодчества. Это достопримечательность, местная «Пизанская башня». Появление этой, с позволения сказать, скульптуры в городском ансамбле произошло довольно стихийно. Народный умелец, который отчего-то возомнил себя художником, предложил эту черепаху на конкурс ледяных фигур. Жюри мероприятия пришло, мягко говоря, в замешательство от выбора материала, но горе-Роден

ныл, что «на лед у него аллергия», а еще «он автор и так видит».

Несмотря на аргументы, скульптура была отвергнута. Однако это не остудило пыл: умелец принялся возить сосновое пресмыкающееся на все мыслимые и немыслимые фестивали. Черепаха собирала утешительные призы и почетные грамоты.

Последним стал конкурс блинопеков. Художник, как всегда, приволок деревянного уродца, установил в центре площади, но, вопреки обыкновению, вдруг заявил, что устал доказывать что-либо невежественным обывателям, соревноваться ни с кем не желает, дух соперничества утратил: что победа, что поражение – ему все равно.

Горожане прослезились от счастья. Накормили призовыми блинами и вздохнули спокойно. А черепаха так и осталась стоять, покрываясь с северной стороны мхом, а с южной – пылью. И сто лет бы простояла, если б не четверо балбесов!

Искатель приключений Никанор, который, войдя в город, заметно прибавил шаг, тоже обратил внимание на молодых людей, совершающих странные манипуляции с не менее странным объектом. Никанор не отводил взгляда от действия, но при этом сохранял быстроту передвижения. В общем, со столбом он встретился на полной скорости...

Удара Гриб-Папирус, конечно, не услышал, только увидел. Зрелище не для слабонервных. Он тяжело вздохнул,

спрятал трубу в шкаф и поспешил вниз – выручать разиню.

– Ты кто будешь-то? – участливо поинтересовался он у Никанора, сумев, наконец, усадить его.

Вопрос был отнюдь не праздный: после столкновения со столбом пациента пришлось приводить в чувство не меньше получаса.

– Не знаю... – прошептал искатель приключений, ощупывая на лбу огромную шишку, и жалобно добавил: – Ничего не знаю...

Никанор забыл все: кто, откуда, как оказался здесь. Он забыл о кладах и раскопках, об Атлантиде и Трое, о золоте скифов и могиле Тамерлана, даже о китайском ордене с мордой хохочущей лисы.

– Ну, почему всегда так?! Вот всегда! Ни чему жизнь не учит! А я предупреждал! Говорил же: оставь, не пей. Особенно, если единственным леденцом закусывать и при этом лопатой на жаре махать – можно и кони двинуть!

Горестный монолог не произвел никакого, даже психотерапевтического, эффекта. Лохматый тощий парень, в прошлом студент исторического факультета, а на данный момент член археологической экспедиции, облизнул растрескавшиеся от жары и пыли губы, перевернул выцветшую бейсболку козырьком назад, зачем-то протер черенок заступа и снова с ненавистью посмотрел на друга, мертвецки прикорнувшего на краю раскопа.

У беспробудного тела товарища крутилась приبلудная псина и с интересом облизывала его руку.

Парень негодуяще плюнул:

– Ведь клялся, сволочь! В грудь себя бил! Еще утром пузырился: не буду, мол, только если вместе вечером посидим у костра культурно... Посидели! Собаку эту шелудивую привадил! Толку никакого – только жрет! Нюх у нее... На харчи у нее нюх! С какого перепуга она будет древние захоронения искать, когда свежие макароны есть?! Говорил же этому убогому: давай квасом торговать на розлив. Между прочим, верная прибыль, если знать, где стоять. Нет! Ему же экспедицию подавай! Историко-культурное наследие, бла-бла-бла! Чтобы сразу обогатиться и прославиться: два в одном! Прямо шампунь-кондиционер! Как же! Разбогатеешь тут! Третий месяц под этой стеной китайской ковыряемся! Надо было с остальными сваливать еще неделю назад. Ловить здесь нечего. Спирт закончился, крупа тоже. Дальше только из этого пса рагу по-корейски готовить!

Парень похлопал себя по тощей ляжке, собака неуверенно вильнула хвостом, но не подошла.

– Что смотришь?! Боишься, съедим тебя? Не переживай! Скорее, ты нас! – он тоскливо огляделся. – Все-таки Валек злой в работе-то. Особенно, если выпьет. Вон, целую траншею выкопал! А что здесь найдешь?! Разве что зубы китайцев, которые Великую Стену строили...

Он зло крякнул и потянул спящего товарища за лодыжки.

Тяжелый! Но делать нечего: не бросать же! На том месте, где только что лежало Валькино туловище, что-то неожиданно блеснуло.

Он нагнулся: монетка?.. орден?.. Может, и золото... Лиса какая-то. То ли улыбается, то ли грязь налипла... Неужели что-то стоящее попало? Да вряд ли. Не прет им с Вальком. Как сначала не пошло, так и продолжается! Возвращаться надо. Назад в цивилизацию.

Парень небрежно сунул находку в карман и, подцепив друга за шиворот, снова поволок его в сторону палатки.

2 Глава

Трезвый расчет. О том, что когда что-то хочется делать – не значит, что это делать можно

Ночью было немного душновато. Полночь оказалась незатейливо загадочна и кристально честна перед обывателями. Даже сноп ярко-желтых искр с некоторым красным оттенком, выбитый столбом из лба искателя золота и приключений, не мог нарушить ее лирического настроения и таинственности, если бы не тяжелый запах, исходящий от грубо наваленной на окраине города кучи навоза и мерно окутывающий ближайшие окрестности. Кто и когда навалил эту гору коровьего дерьма, было большой загадкой и неразрешимым ребусом для всех законопослушных обывателей.

Не удивлялись горю только представители местной фауны: желтые мухи и королевский пудель с благозвучным именем Блудоход, забравшийся в самый центр погреть свои старые собачьи кости.

Встретившийся со столбом Никанор тоже уже ничему не удивлялся. Он просто забыл, как это делать. Поэтому, не обременяя свое сознание этим чувством, просто сидел и пускал слюни.

В самом центре исторической, феноменальной кучи сто-

яли, вежливо обняв друг друга, дабы не рухнуть без памяти от целебной вони, два местных авантюриста и мечтателя.

Первый, судя по резиновым сапогам и прическе, был старшим в тандеме. Джинсовая пара, кожаные краги, дабы ненароком не замарать руки, и высокие, по пояс, болотные сапоги.

Впрочем, последние не спасали от желтых мух, стойкого запаха и идиотского нытья напарника, который вцепился мертвой хваткой в железную палку транспаранта, на полотнище которого отсвечивали ярко-красные, зовущие в неизведанную даль буквы: *«НАПЛЮЙТЕ НА ВСЕ, МОНГОЛ И ТАТАРИН. ЛЕТИМ НА ЛУНУ, КАК ЖОРА ГАГАРИН...»* Почему вдруг Гагарин – Жора, почему плевать на все должны потомки Чингисхана, прохиндеи объяснить не могли. Они и сами этого до конца не понимали.

У стильного хлопца было звучное емкое имя Эдуард. Впрочем, на Эдварда, Эдичку и Эда он тоже незамедлительно отзывался в зависимости от настроения и авантюры, под какое имя она исполнялась. Образованием Эдвард похвастать не мог. Но был начитан и беспредельно нагл. А также имел твердое убеждение, что его авантюры и бредовые идеи должен поддерживать весь мир.

Мозг его просто вскипал от всевозможных идей и новаторских проектов: от строительства пирамидальных туалетов, поддерживающих связь с параллельными мирами, до продажи огородов на близлежащих планетах, исключая, ко-

нечно же, Луну. А всё потому, что там уже все давно было продано другими не менее озорными авантюристами. Но народ, окружающий Эдварда, был отчасти поумневшим, пропустившим через свою жизнь таких деятелей, как граф Калиостро и Мавроди, и не хотел спонсировать ни строительство телемоста через океан, ни копать метро в соседнюю деревню. Поэтому все идеи обогащения за счет патриотизма и просвещенности местного населения так и остались в голове, отложенные до более подходящего случая.

Второй же прохвост был уже в таком возрасте, когда кроссворды и домино заменяли вино и женщин, а милый диван принимал формы хозяина и не выпихивал его на дождливую улицу в поисках желанных приключений на задницу.

Именовали сего старца Адриан. В тутошнем миру и за пределами его – просто Зуля. Худой, почти двухметрового роста. С козлиной бороденкой и чапаевскими усами. Длинными, почти до колен, руками и ярко-голубыми очень умными глазами.

Образования Зуля имел аж четыре и, до определенного момента, работу и не очень умную, но красавицу жену.

Но однажды, как все знают, всему хорошему наступает конец. Настал такой период и в жизни Зули. Завод, где выработывал свой стаж четырежды одаренный Адриан, в одночасье стал никому не нужен. Назвали это все иноземным словом «конверсия» и обязали сие предприятие, чтобы сотрудники не потеряли драгоценный опыт и сноровку, выпускать пока

сугубо мирную продукцию, а то и вовсе вилки с ложками да шумовки для слива макарон. Но коллектив, иногда задумывающийся о решении даже теоремы Пуанкаре, восстал и отказался променять свои знания на резиновые изделия. И ушел весь, хлопнув дверью. Кто подался в продавцы, кому посчастливилось стать дворником, и иные просто отправились работать грузчиками.

В мире талантов и конкуренции Зулиного опыта хватило только на разгрузку огурцов. Но земля не остановилась. Жена его по-прежнему любила и лелеяла. Правда почивать стала отдельно. Да и местный водопроводчик к ним зачастил с маниакальным упорством починять трубы и батареи в ее спальне.

Когда вагоны с солеными огурцами в стране закончились, а вместе с ними и прибыль от работы, женушка в присутствии неугомонного сантехника объявила, что в стране, включая их квартиру, намечается технологический прорыв по ремонту теплотрасс. Поэтому на время этого прорыва Адриану лучше съехать куда-нибудь. Вот так Зуля и оказался в этой куче дерьма, в самом ее центре.

Мужика, врезавшегося в столб, проходимцы не знали. А вот санитар-добровольца, хлопотавшего рядом, узнали сразу же. Гриб-Папирус собственной персоной, работник каланчи и пожарного шланга.

Знали и о том, что за непрерывный трудовой подвиг, совершенный в своей жизни, и за бессменное дежурство на по-

жарной каланче более полувека он представлен к награде. А мэр городка, незабвенный Глеб Егорович, в паре со своей секретаршей Клавдией эту награду ему и посулили. Правда, где ее взять не додумались. Хотели сначала значок нацепить юбилейный «Восемьсот лет Мухосранску», но передумали. Извлекли медаль «Мать-героиня третьей степени», но тоже отложили до лучших времен. А уж знак почетного донора вообще ни туда, ни сюда.

Выручила Клавдия. У нее на днях два знакомых археолога перед следующей экспедицией отдыхали. Так они ей какую-то медальку оставили в счет уплаты за уют и самогон. Интересная медалька. С лисьей мордой, хохочущей над кем-то. Вот ее-то и решили сбагрить деду. А чтобы тот излишне не придрался к награде, решили обставить всё торжественно. Ну, с водкой, салатами и артистами музыкального, и не только, жанра. Для последних даже выписали из Турции шест с нержавейками и стразами от Сваровски.

В общем, ждали...

Сэм Брэк, он же Семен Никанорович Брюхо, был человеком отважным, романтичным и склонным к вселенскому обману, подлости и накопительству. Он – президент заокеанской трансатлантической организованной корпорации, а также владелец газет, парохода и прочих удовольствий, включая бесплатный проезд на спине верблюда в местном Диснейленде.

За океан на постоянное место жительства он попал совер-

шенно случайно. Но помнил точно одно: что всегда этого желал. Желал, когда менял значки на жевательную резинку у заезжих иностранных гостей. Желал, когда за эту самую резинку по принуждению прореживал пилой таежные кущи. Желал, когда эту самую резинку и остальные сопутствующие ей валюты можно было уже свободно покупать, а не клянчить со слезами на глазах. И это желание в одночасье материализовалось.

На новом месте жительства путем некоторых отклонений от этики и морали удалось сколотить себе капитал, приобрести друзей и нажить врагов. А еще заиметь привычки и сопровождающие их болезни.

И было у Сэма Никаноровича большое хобби. Настолько большое, что он не жалел на него ни сил, ни денег, ни нервов. Забросил он остальные хобби и интересы, и друзей, и поиски своего папы, которого искал всю свою веселую коммерческую жизнь.

Любил он старину неизведанную. И богатства этой старины, разбросанные по свету как попало. На данный момент он был заинтересован в обладании чашей Грааля и мечом нибелунгов. Но те пока в руки не давались. А попадала к нему в коллекции всякая кутерьма, типа затопленного испанского галеона с золотом инков или шлема Александра Македонского.

Случилось, правда, не так давно интересное событие: приволокли ему коллекцию орденов старых, китайских, с ли-

сой смеющейся. Девять штук. Говорили, есть десятая, самая главная. Но где она, никто не ведает. Сказали, кто владеть будет всеми, тот владеть будет всем. Заинтересовали.

Пришлось купить все. Оптом. В долг. Вот теперь сидел Семен перед картой мира и решал вопрос: где начинать копать землю и осушать реки, дабы ценный экземпляр не выскользнул из рук загребущих. И вопрос, похоже, решался положительно – путем исключений и анализа.

Воды на шарике три четвертых – значит, там его точно нет. Исключается жаркий континент и холодная Сибирь. Новая родина и окрестности – тоже. Остается?.. Вот в это «остается» и будут посланы курьеры. Много, много курьеров. Много, много, много курьеров. А когда десятая медаль будет рядом с остальными, тогда можно будет сказать: жизнь удалась.

3 глава

Товарищество бредовых идей

Утренние сборы на торжественное награждение по случаю непрерывной и бескомпромиссной службы на пожарной каланче вывели б из себя даже самого спокойного человека. То костюм не подходит, то челюсть отказывается вставляться в рот как надо, то приبلудный Никанор не желает подниматься с постели, где ему тепло и комфортно.

Это вывело бы любого. Но не жену Гриба-Папируса. Она

повидала столько, что троим Грибам хватило бы с лихвой. Поэтому вопрос был решен быстро и без колебаний. Короткий удар по печени сходу решил всё: и проблемы с одеждой, и с челюстью, и с ленивым дурачком Никанором.

– А чего этого с собой берем? – с недоумением задал вопрос огнеборец, неприязненно окидывая взглядом пускающего пузыри друга.

– Нет, дома оставим, чтобы, когда пришли, ничего и никого не было. Ни сапог, ни твоего нового комбинезона, ни ложек. Кто его знает, может, придуривается, а сам соображает все. Уйдем, и начнет рыскать по дому. Нет. Пусть с нами идет. Оставим его у почты на скамейке. Там подождет. Как наградят тебя, выйдем и заберем его обратно.

– Как? А на торжественное чаепитие? Чего? Не останемся?

– Останемся, конечно, но ненадолго. Дома справим.

Дорога до мэрии заняла короткое время, так как она находилась почти рядом, через улицу. Оставленный на скамейке у почтамта Никанор продолжал беззаботно пускать слюни, а дед с молодой гражданской женой зашли в здание напротив.

Их там уже ждали. Или не ждали – не поймешь.

В помещении оглушительно гремела музыка, едва слышался звон бокалов и хлопки от открывания шампанского. В слабо освещаемых уголках звучали пьяные томные речи, а в центральном зале громкий голос главы вещал о дружбе и дорогах. Но на пришедших внимания категорически никто

не обращал.

– Видишь, дед, как торжественно обставили твое награждение? Но мы здесь надолго не останемся. Выпьем за орден, перекусим и домой. Ой, как вкусно воняет! Сейчас за стол пойдём. Молодой человек... Молодой человек... Да-да, вы, с этой палкой железной...

Молодой парень, одетый в модные штаны лимонного цвета и волокший никелированный шест в центральный зал, остановился, направил блуждающий пьяный взгляд прямо и спросил:

– Вы меня? Если меня, то я занят. Видите – шест несу. Сейчас приладим его, и Любочка-бухгалтерша нам стриптиз танцевать будет. Она в фанты проиграла. А если вы по поводу уборки помещений, то еще рано. Разгуляево началось недавно.

– Да нет, мы по поводу награды. Это праздник в нашу честь. В его честь, – кивнула супружница на открывшего рот старикана.

– Награды? Сейчас узнаю, подождите, – и с усмешкой, неся перед собой шест, как копье, вклинился в разноцветную пьяную толпу, ожидающую танца Любочки-бухгалтера.

Через три минуты к посетителям выскочила запыхавшаяся Клавоочка и, с нетерпением оглядываясь назад, боясь пропустить танцы, скороговоркой выпалила:

– Здравствуйте, наш дорогой. Мы с нетерпением ждали... Мы с нетерпением ждем... Мы с нетерпением... В общем,

вот медаль. Глеб Егорыч пока занят. Примет вас завтра по этому случаю. Вы пока идите. Идите. И извините, семинар сейчас. Все потом. Поздравляю вас. – И торжественно вытолкала их на улицу.

Подойдя к скамейке, на которой сидел Никанор, и, подтерев каплю, текущую из его носа, Гриб-Папирус оглядел врученную ему награду.

– Фу-у-у-у. Лажа какая-то. Да-а, иного я и не ожидал. Не орден, а какой-то кругляш с лисой хитрой. Ни денег кошель, а медаль. Обманули меня.

– Да ладно, старый, оставь ее. Дома к значкам положишь, в коллекцию.

– Да не нужна она мне, эта награда бестолковая. Накормили б лучше. Мы ж и не позавтракали дома

– Да, не позавтракали.

Мысли о завтраке поставили мозг на место, и Гриб-Папирус, повертев медаль с лисой в пальцах, протянул ее Никанору.

– На, друг мой новый, пользуйся. Прицепишь куда-нибудь. Кавалером будешь ходить. – И, развернувшись, взяв супружницу под руку, сделал шаг от скамейки.

Никанор принял подарок, попробовал его на зуб. Ласково погладил морду смеющейся лисы. Улыбнувшись своим неведомым мыслям, с размаху запустил его в рыжего блудливого кота, собиравшегося промяукать свои любовные песни черной кошке.

Напротив прекрасной океанического размера лужи, в которой незапланированно утонула новая трамвайная остановка, построенная к десятилетию освоения поступающих бюджетных средств, стояла покрашенная пожарная каланча с сиротливо и не по родному приткнувшемуся к ней каменным тоскливым зданием с броской вывеской «Бультерьер Баунти».

Судя по слою грунта на вывеске, название было не первое. И, похоже, не последнее. Видно, все зависело от роста благосостояния и вечернего настроения хозяина заведения. Да и местные посетители сего шалмана знали наизусть каждое предыдущее название. «Бультерьер Баунти» был намалеван на «Хаски Дусю». «Дуся ...!» на «Пуделя Люсю». «Люся ...» на «Крота Зосю» а уж «Зося ...» на «Петуха Гришу». «Гриша», включая в себя всех остальных «Люсь» и «Дусь», был значным, отстойным заведением, собравшим в себе распивочную, разливочную и домашний вытрезвитель местного значения.

Хозяином сего предприятия был авторитетный бизнесмен с незаконченным курсом обучения в ветеринарном техникуме, липовым дипломом какого-то Оксфорда и бронзовой медалью за покорение вершины горы Лимпопо. Впрочем, это не мешало ему без отрыва от производства заниматься понятными только его творческой натуре темными делишками и авантюрами.

Именовали сего индивидуума Андре. Простите. Андрей. Андре он стал позже, когда «Люсю» переименовали в «Дуюсю».

В дополнение ко всем своим многочисленным дипломам и достоинствам Андрюша имел еще и ряд недостатков, позволяющих в свое время получить в неторжественной обстановке «белый билет» и радостную невозможность посвятить свою молодецкую удаль армии родной и связанных с ней структурам.

Андрей Джонович – а по бабушке он звался именно так – плохо видел, не очень хорошо слышал, обладал страхом высоты и терял сознание в замкнутом пространстве. В общем, добропорядочные друзья и соседи сильно удивлялись, как вообще он еще дышит и ест.

На заре своей трудовой деятельности, учитывая, что обладатель такого здоровья может работать только сторожем или вообще никем не работать, он не стал испытывать судьбу-злодейку и повис ярмом на шее матушки, ожидая, что придут лучшие времена для его талантов и пороков.

И они пришли. Пришли внезапно и жестоко, накрыв всех без разбора своей разноцветной волной желаний и вседозволенности. Не минула сия чаша и Андрюшу свет Джоновича... Или Ивановича. Кому как угодно.

Посмотрел он на все происходящие перемены своим мутным хитрым глазом и решил влиться однажды в это заманчивое неизвестное.

Но так как одному было не с руки осваивать новое ремесло, то он решил подключить к этому делу на правах подсобной силы двух местных отпетых... друзей. Аристофана и Годзиллу.

Познакомился с ними Андрей, тогда еще не Джонович, в местном отделении милиции, где проходил суточное привлечение к физическому труду за оскорбление представителя власти при исполнении. И эти два товарища тоже были привлечены к трудотерапии за скандал в общественном месте. А свой свояка, как говорится, видит издалека. На этой почве и познакомились.

Филиппок, он же Аристотель, был тощим греком родом откуда-то из-под Одессы-мамы. Ростом великим не получился, но зато имел гордый орлиный нос, длинные руки и буйную фантазию. Она часто играла против него и заводила Аристофана в такие ситуации, что все перевалы Дятлова по сравнению с ними были просто детским лепетом.

Годзилла, в миру просто Фаля, был противоположностью кипящему натурой и идеями искрометному греку Аристофану. Полтора центнера упитанного бочкообразного тела на крепких кривых ногах венчали короткие волосатые руки с кулаками, очень похожими на пивные литровые кружки, и бычьей шеей, украшенной такой же бычьей лысой головой. Но при всей своей отвратительной отталкивающей внешности, обладатель сего имел добрый и покладистый характер, тоже нередко заводивший его, благодаря Аристофану, в

невыгодные ситуации.

На тайном собрании, посвященном новообразованному сообществу, Андрей Джонович обрисовал будущие перспективы сотрудничества и выгоду от него. Посмотрев на молчаливые бестолковые кивки, означающие полное согласие с программой и выбранным курсом, распределил обязанности.

Аристофан отныне был спецкурьером по щепетильным поручениям. А Годзилле отводилась роль местного «пугала» и куратора владельцев будущих притонов и пароходов. Себя же Андре назначил ни много, ни мало... Доном. И, объявив себя членом итальянской фамилии в изгнании, он принял несколько революционных законов и решений.

Вот так вот ни шатко ни валко и поползло это авантюрное дело. Андрей Джонович пытался засунуть свой нос во все возможные и невозможные дела.

Первым, наиглавнейшим, делом, как и положено местному дону, он решил обложить налогом всех и вся, кто хоть чуть-чуть связан с деньгами. Первыми в тайный список были занесены два, по его продвинутому мнению, очень богатых и непутевых товарища. Зуля и Эдвард. На двух друзей он положил свой алчный глаз ох как давно и, как ему казалось, совершенно не напрасно.

Эти два прохиндея, по его убеждению, давно занимались незаконным изъятием из карманов доверчивой публики ассигнаций и сбережений. Один только туалет, созданный по

эскизам Пизанской башни и стоящий чуть ли не в самом центре города, чего стоил. И какую прибыль приносил своим владельцам. А продажа билетов и земляных паев на сопутствующей Земле планете? А реклама навозной кучи на дальних подступах к городу? Да мало ли чего еще они придумали? Поэтому в списке они были под номером один.

Но нахрапом богатства не возьмешь. И Андрей Джонович это прекрасно осознавал. Поэтому была разработана многоходовая комбинация с участием Филиппка, он же Аристофан, Фали, он же Годзилла, и некоего Миши, он же не пойми откуда взявшийся оленевод.

О Михаиле-оленеводе хочется сказать несколько подробней. Эта неординарная личность интересна своим появлением в местных краях и своей сказочной бестолковостью. Как и какими неведомыми путями сей оленевод оказался в здешних местах, никто не знал. Одни говорили, что он был изгнан из племени порядочных оленеводов за то, что умудрился оттащить и заложить в ломбарде кусок айсберга, в который якобы влетел «Титаник». Другие баяли наоборот – что все общественные деньги он потратил на закупку этого раритета у проезжих цыган. Третьи кричали, что купил вообще не айсберг, а «Титаник». А четвертые молчали и улыбались только своим мыслям, крутя у виска пальцем.

Правду знал только Мишка. Но молчал, точно партизан, хотя история его появления была проста, как медный пятак.

Решил он однажды поменять ориентацию духовную, то

есть перейти из адептов идолопоклонничества и шаманизма в умеренные атеисты и непримиримые феминисты. И, следуя семейной традиции врожденной бестолковости и авантюризма, подговорил себя забраться поутру в чум к местному служителю культа, дабы утащить дубовый бубен и утопить его в реке.

Сказано – сделано. Как только шаман отправился в тундру за ягелем, Мишка проник к нему в чум и стал с остервенением искать нужную вещь. Милых сердцу вещей в чуме оказалось на порядок больше, чем мог предположить оленивод. Всякие разные деньги, желтый металл, водки всякие и музыка. В общем, сумка была полная. Только для бубна в ней места не было.

Мишка плюнул от досады, но место освободить не стал. Просто тихонько вышел из чума и побрел восвояси, ругая большой бубен и его хозяина.

В тундре Мишку пьяного и нашли. Без музыки, без сумки, без водок, и... без передних зубов, но зато мокрого и счастливого. Порешили на совете изгнать его из правового общества. Дали двух оленей: одного хромого и старого, а второго молодого, но деревянного, в виде флюгера на крышу. И жену еще пятую – Клепу – тоже дали в нагрузку. Чтоб не скучал.

Так и покинул на радостной ноте стойбище свободный от морали и обязательств Мишка-оленивод.

Но радость свободы была недолгой и испарилась как утренний туман, стоило на начальном этапе долгого пути

возникнуть группе чернявых попутчиков.

Михаил, в отличие от них, встречи не обрадовался.

Те же с радостью и непонятным говором без конца хлопала оленевода по затылку, спине и карманам. Облазали вдоль и поперек сани, отвязали оленя и увели куда-то ошалевшую от счастья Клепу. Особенно бесчинствовал малый, с сережками. Мишка с точностью определил, что он старший. Только от него одного подозрительно воняло одеколоном, очень напоминавшим шаманский парфюм.

Под занавес внезапной радостной встречи они заставили Мишку играть с ними в какую-то чудесную игру, где под пивной кружкой надо было найти шарик. Два раза оленевод расстарался и выиграл, за что был награжден. А потом фортуна перестала улыбаться Мишке совсем, что привело его к ожидаемому банкротству.

Его принудили еще пару раз сыграть в долг и после прекрасно проделанной работы отобрали все, включая расписку на мороженого мамонта. В ней говорилось, что если Мишка найдет на бескрайних просторах страны оного, то должен будет выслать его тогда-то по такому-то адресу. Адрес говорили всем табором, снимая лыжи с оленя и Михаила.

Прощание с чернявыми и Клепой, оставшейся с ними в качестве залога, было недолгим и не бурным. Запомнилась только пятая жена, вертящая пальцем у виска и наталкивающая своими действиями на мысль о суициде.

Но Клепа Клепой, палец пальцем, а жить как-то надо, во-

преки всем бедам, внезапно свалившимся на глупую голову. Оглядевшись по сторонам, Михаил решил здесь и остаться, в сих местах. И выдавать себя добровольно за целителя тел и душ человеческих.

Вот его-то, вместе с Филиппком и Годзиллой, хотел за-действовать в своей следующей афере Андрей Джонович. Да и еще были некоторые наметки в планах авантюриста, что требовали мобилизации всех имеющихся средств и сил, но не настолько важные.

Прознал он недавно, что у Клавки – секретарши – намедни ночевали два каких-то геолога или археолога. И по причине безденежья и скудоумия оставили ей в расчет за чистую постель и обильный ужин не то медальку, не то орденок иноземный. Ценность не объявлялась. Но вещь старая и сама по себе чего-то стоит. А если и не стоит, то все равно пригодится.

Но это потом.

А сейчас была отдана команда Филиппку, чтоб он позвал для беседы этих двоих, которые сейчас в куче навоза стоят.

4 Глава

Коварный план

Эдвард переступил порог богомерзкого заведения, куда их с Зулей под торжественные речи заташил сноровистый Аристофан и смачно плюнул на пол. Оглядев помещение,

понял, что человеческая фантазия не имеет границ. Особенно здесь, где она перещеголяла всё и вся.

– Закройте рот, коллега, и держите карманы зашитыми. Последнее вытянут, – почесывая подбородок, прошептал ошарашенный Эд. – Ну и местность... Как в планетарии, то есть в кунсткамере. Нет, как в этом...

Но где «в этом» или где «в том», в голову категорически не лезло. Сравнить было просто не с чем.

Круглый загаженный зал, окутанный сигаретной дымкой, был разделен на четыре зоны, словно на четыре исторические эпохи: каждая со своими предметами быта и микроклиматом, который окружал последователей зарождающегося капитализма и беспросветной глупости. Последняя с завидным постоянством существовала во всех временах.

Первая четверть зала – кирпичные стены и бетонный пол, покрашенный серой шаровой краской. На стенах намалеваны грязно-желтые облака и такого же цвета зайцы, которые сидели на них.

Вторая четверть – завешана кривыми зеркалами. Настолько кривыми, что, казалось, они уже искажают окружающую действительность, а не только то что в них отражается. А на полу все те же самые зайцы. Такие же грязные, только розовые.

Третья четверть зала железная, холодная и темная. И даже временное пребывание в ней вызывало чувство страха, а также желание взять в долг и скрыться.

Ну а четвертая четверть зала была просто заставлена всяким хламом. Столами. Стульями. И прочей нужной для распития пива мебелью. И поэтому не нуждалась ни в каких оценках. Но являлась полной противоположностью остальных залов, с зайцами, железными стенами и кривыми зеркалами.

Посреди четвертой секции, как бы в отместку человеческой природе, была намалёвана синяя русалка со спиннингом в руках и бычком «Беломора» в синих губах.

– А горячее здесь подают? – поинтересовался Зуля, судорожно сглотнув слюну и прислонившись к синему хвосту кудесницы моря. – Чего-то пахнет как-то? Рыбой, или килькой? Непонятно.

– Ну ладно, Казимир, ты пока понюхай чем пахнет, а мы на беседу отойдем. – Филипок подтер пальцем влагу под носом, подтолкнул Эда к железной окрашенной двери.

Распахнув ее, Эдвард зашел в полутемную небольшую комнатку. Там под мелодичную музыку "Рамштайна" и не менее мелодичное сопение Годзиллы сидел и попивал ароматный чаек Андрей Джонович.

– Проходи, присаживайся. Поговорим, – Стараясь казаться учтивым и гостеприимным Андре, указал взглядом на свободный стул.

Эдвард присел и, глядя на чайник, вопросительно вытянул шею.

– Да, да, да. Можешь налить. Баранки бери в прикуску.

Годзилла, передай продукты.

Баранки оставляли желать лучшего, но за неимением бутербродов с икрой сгодились и они. Утолив первый голод чуть ли не ценой зубов, Эдвард все-таки решился спросить Андре о причине своего вызова.

– Ну, чего скажешь? Зачем звал?

– Слышал я о твоих поисках спонсорской помощи в деле прокладки нового пути и уничтожения старого методом засыпки и закладки... – закатив глаза к потолку начал изрекать какую-то «бодягу» Андрей Джонович.

– Сам-то понимаешь, чего говоришь? Цицерон... – остановил его Эдвард. – Толкуй понятней.

– Короче, денег хочу вам предложить. Вы ж колодцы хотите копать? Вот я вам денег и дам.

– Вот так просто дашь или чем-то обязаны будем?

– Нет, обязаны не будете. То есть будете, но... не будете, в общем. Короче, слушайте: дам я вам посылочку. Почему именно вам – потому что доверяю безмерно. Надо будет довести, эту посылку до адресата и только до него, – говорил Андре, порываясь постоянно вскочить и обнять Эда как родного.

– Что за посылка? – спросил Эдвард, ловко уворачиваясь от объятий, чем вызывал у новоявленного дона нервный тик. – Объясни, не таясь.

– Сейчас объясню. Держи. Смотри. – Андрей Джонович прошуршал под столом и извлек кусок белого стекла. Указав

на него пальцем, он нарочито продолжил: – Это алмаз чистой воды.

– Очень чистой?

– Чистейшей. Стоит очень много. И только тебе я доверяю его. Никто и никогда не смог бы завоевать моё доверия, как ты. И потому я вручаю тебе этот алмаз. Сейчас в моей жизни произошел тактический пересмотр ценностей и сущностей. И для того, чтобы повисить свою значимость в этом мире и отказаться от материальных значимых ценностей, вызывающих судорожное желание...

– Какое желание?

– Судорожное... желание. А что? Что-то не так?

– Да нет. Продолжайте, – Эдвард слушал пафосную речь и думал о счастливом Зуле, оставленном за дверью и освобожденном слушать весь этот феерический бред.

– Ну вот, значит. Беспокойных и судорожных. Короче, отвезете по адресу и получите денег. Билеты и командировочные выдаст Филипок. Филипок! Слышишь? Выдашь билеты и командировочные.

Для Филипка, который стоял у двери и слушал пафосные речи патрона, предыстория заканчивалась не очень радужно. Сложилось неотвратимое впечатление того, что кто-то, но не они с Годзиллой, заработает кучу денег. И от этого было плоховато на сердце и на душе. Но в ответ пришлось кивать, соглашаясь со всем.

– Хорошо, выдам. Все.

Эдвард поднялся со стула и, завернув в лежащую на столе газетку "алмаз", вышел в коридор, где под хвостом синей русалки спал Зуля. Аккуратно ткнув его локтем в бок и дождавшись, пока товарищ разомкнёт веки, Эд устало произнес:

– Пойдем. Там все расскажу. – И вытолкал Зулю на улицу.

– Нет, шеф, вы, конечно, фигура сугубо самостоятельная и, без сомнения, подкованы на всякого рода «поганках». Но когда по вашему желанию мимо нашего рта проплывает кусок белого хлеба с шоколадным маслом, мы на это смотрим отрицательно. Правда, друг? – возмутился Филип, как только авантюристы спешно покинули злачное заведение.

Но друг не отозвался на вопрошающую речь. Он стоял очарованный и смотрел в дальний угол комнаты, где толстый мохнатый паук под хрип садиста из Рамштайна давил зеленую муху. Короткий ласковый удар в бок вернул жулика в реальность. Годзилла икнул и прохрипел:

– Да... Шеф... Масло... м-м-м... рот... друг... А на фи-га это всё надо? – сжав кулаки и выпятив от непереносимой обиды нижнюю губу, он опять вперил безумный взгляд в угол комнаты, забыв обо всем на свете.

– Ну что ж, видно, настало время рассказать вам о масле, о бутане и о бесконечных очередях в мексиканское посольство желающих получить вид на жительство в скромной

и благополучной стране. – Андрей Джонович слегка проследил, но, подавив в себе эмоции, продолжил: – Хотите заработать денег на жизнь? Вижу, что хотите. Я тоже, к счастью, этого хочу. И не машите бестолковой репой, Филип. В этой жизни все решения принимаю я. А вот когда вы будете на моем месте... но вы никогда там не будете. Но если будете, то решение останется за Годзиллой... Да что он там стоит, как статуя? Пните его, а то мне надоело орать в пустоту.

Но озадаченный Филипок не решился снова приложить Годзилле, потому просто толкнул его легко в плечо.

– Продолжайте, шеф. Он все слышит.

– Ну, вот, значит. Масла нет. Тьфу ты!

– Мы чего, масло повезем? Вот что за день такой! Сначала двум кексам заработок в виде стекла непонятного отдали, потом выясняется, что надо везти непонятно что непонятно куда. И этот убогий тут стоит, хоть бы слово сказал. – Филипку даже захотелось выругаться матом на Годзиллу, но, судя по тяжёлому дыханию, тот вконец пришел в себя, и поэтому грек не решился испытывать судьбу.

– Да нет, друзья мои суровые. Ни пропан, ни бутан не причём совершенно. Причём тут как раз-таки эти два кекса, как позволил себе выразиться Филип, которым я впарил под видом необработанного алмаза кусок стекла с фабрики имени пса Алого и его верного помощника Карацупы. И они купились. В их обязанность будет входить доставка этого камня по назначению в определенный пункт. От вас же требуется

негласное их сопровождение с последующим изъятием путем банальной кражи этого никому не нужного стекла.

– И чо? – подал голос тезка умершего ископаемого.

– А вот тут-то и самое главное, – Андре ласково, но с отращением обнял союзников за потные плечи и зашептал: – Вы же знаете, что они два миллионера подпольных, чёрт их возьми. Вы же знаете, какой кэш они сорвали с этого Пизанского туалета. А куча навоза за конюшней? Она им тоже принесла кое-какие дивиденды. А билеты на Луну? Сколько было желающих? Только ты, толстомясый, отнес туда все деньги нашего фонда «Тайга для Лыковых, и не только». Не помнишь? Я помню! А бесплатные туалеты в лесу? Нет, это не они. Это ты Филипок мне предложил. А я, дурак, купился. Ладно. Это почти в прошлом. В настоящем другое. Вы значит, украдете. Ну, воруете стекляшку. Они являются ко мне, не выполнив задачи поставленной. Я обязываю их мне заплатить. Вот и всё! Миллионеры – без денег, а вам – доля малая, слава и почет. И не надо ни о чём думать, и им, и вам билеты я уже взял. Выезд завтра. Помыться, побриться, горькую не пить. Завтра «как штыки» на вокзале, дышите в спину этим фраерам. Поняли?

– Чего ж не понятно-то, – с тоской на лице протянул грек. – А при чем здесь Бутан-то?

– Эх, други мои ситные, – с вожделием и лаской заговорил Андре. – Я ж по нации не американец какой-то, не туземец с острова Пасхи. Я кровью своей чувствую родство

с неизведанным народом. С каким правда не знаю еще. То есть не могу ещё правильно сказать. Получим миллионы за стекляшку, соберу вещи и в путь. На родину. Море там есть, наверное, буду на море жить, ни о чём не думая.

– А если нет моря-то?

– Как нет? Море везде есть! Даже в Польше. Знамо дело.

– А какое там море-то? – переспросил Годзилла, торжественно икнув. – В Польше?

– Как какое? Синее, конечно. Хорошее море!

Выслушав нотации, два друга поплелись приводить себя в порядок перед дальней дорогой. А в это время двое других бедолаг обсуждали внезапно явившееся счастье в виде нелепой стекляшки и столь же нелепой поездки

– Ну что, мой милый старинный друг – произнес Эдвард задумчиво, прищулив взгляд, направленный в противоположенную от Зули сторону. – Сведем дебет с кредитом и посчитаем сальдо. Так, в наличии у нас: А – Стекляшка, якобы алмаз. Ха-ха. Неизвестной и непонятной пробы. Б – Конверт, судя по тому что он очень тонкий, напичканный деньгами. То бишь нашими командировочными. В – Хитрющая рожа нашего работодателя.

– Почему стекляшка-то? – заволновался коллега. – А вдруг и не...

– Говорю стекло, значит, слушай. Я ему этот кусок сам впарил два года назад под видом космической пыли. Он просто забыл от волнения. Ладно. Надо отвезти, значит отвезем.

Тем более, что все труды оплачиваются, – и чуть-чуть подумав, бросил: – пошли, знаю куда.

Ничто не могло испортить комфортного настроения. Ни мухи, плотным кольцом взявшие в осаду праздничную робу торговца космическими удовольствиями. Ни сигналы о помощи пассажиров воздушного шара из Южной Африки, приземлившись в Антарктиде на дрейфующую льдину ввиду плохого образования его запускавших. Ни хромая лошадь, бесцельно бродившая у пекарни, пинавшая пустые банки из-под пива и наслаждающаяся их прощальным звоном.

Авантюристы шли вперед. Эдвард шагал нагло и упрямо, Зуля, наоборот, семенил с видом вечного проигравшего.

– Вот и пришли, пожалуй, – ни к кому не обращаясь, произнес Эдвард и резко притормозил перед парадным входом обветшалого здания, на котором гордо висела ржавая покосившаяся вывеска с отчеканенными строгими словами, и почему-то на английском: «Пост–офис». По-здешнему «Почта». По преданию, её сюда приволок и обменял на шампанское старый местный рыбак Крилев Лола, обнаруживший её ниже по течению Гольфстрим.

– Так, Адриан, слушай команду. Я зайду сюда, а ты медленно, но уверенно идешь в промтоварный магазин и покупаешь чертёжный футляр. Тубус называется. Он очень нам в дальнейшем пригодится. Зачем – потом объясню. Всё, вперед, времени мало. Ещё в порядок себя приводить. Да мух за собой в магазин не волоки, разгони по дороге!

– Хорошо, шеф!

– О-о-о, шеф! А почему не босс? Или не патрон? Что, Зуля, мухи закусили?

– Нет, не закусили, но учитывая тяжёлое положение в состоявшихся событиях, отдаю в ваши... в твои руки приоритет принятия окончательных решений и...

– Во как тебя в этой куче накрыло-то. И отпускать, видно, не хочет. Ладно, принимаю приоритет. Иди. Одна нога здесь, другая там.

Зуля выслушал, развернулся, и, отмахиваясь от опьяневших мух, пошаркал за столь нужной в их деле штукой, тубусом.

А Эдвард шагнул в почту, столкнувшись на входе с рыжим наглым отроком, хитро оглядываемомся. На лице у него было написано, что хочет напакостить и убежать.

– Привет, девчонки! Бандерольку бы отослать. Можно? – крикнул в пустоту Эдвард, приблизившись к стойке.

– Кого посылать вздумал? То есть чего будешь слать? – пропела приемщица.

Эдвард достал из сумки кусок стекла, обтер его и с грохотом выложил на стойку: – Да вот, корешку лучшему лунный камень в подарок от нашего общества независимых экспертов группы «космопоиск». Он позавчера прилетел, камень этот. Тёплый ещё. Вдруг он ещё информацию космическую в себе несёт? Вот друган и расшифрует её. А нам почёт и деньги!

– А-а-а! Ну ладно, отошлем. Ручку возьми там, на цепочке привинчена. Бланк заполни, – и, немного подумав, добавила, как бы между делом: – Я, когда на стекольном заводе пивные бутылки на заказ выдувала, у нас таких лунных камней на заднем дворе прорва валялась. Вот я не знала. Сейчас, наверное, уже почётным членом была бы Общества вашего!

Эдвард шагнул к столу и с удивлением обнаружил, что ручка отсутствует. Присутствовала только цепь, на которой она, видно, держалась.

Пошарив в кармане, он достал на свет зашарпанную шариковую ручку и сходу написал бланк: г. Вымя. ул. Вымя. Кошечеву В.Ю. Сложил вчетверо бумажку и незатейливо крикнул: «Эй, дядя, ручки-то нету. Чем написать-то? Пальцем?»

Приемщица тоскливо почесалась, понюхала пальцы и торжественно резюмировала: – А, ведь это он, рыжий окаянец! Не зря он здесь час пасса. И анекдоты мне похабные рассказывал. Бдительность мою усыплял. Поймаю – уши оторву, извергу! На ручку – пиши! Заведующей нашей, умницы.

С этими словами она передала в окошко неприхотливую ручку «паркер» с золотым пером. Эдвард постоял полминутки, засунул в окно бланк, кусок стекла, свою ручку с колпачком от «паркера» и, увидев, как поданное им исчезло с глаз, развернулся и вышел прочь, на улицу.

Но то ли нога подвела на выходе, то ли что-то наложенное котами вынудило потерять равновесие. Эдвард упал.

Но обидно было и не само падение. И не издеватель-

ское наслаждение посторонних этим падением. Обидно было, что ладони, выставленные вперёд, уткнулись прямо в самый центр нехорошей кучи. И ничего поделывать уже было нельзя.

Привстав на коленки и с отвращением глядя на свои ладони, Эдвард обнаружил, что к ним вместе с кошачьим дермом ещё прилипла какая-то неведомая желтая медалька, тоже сильно замазанная и дурно пахнущая. Но благо рядом, как и везде, была вечная, антикварная лужа размером с озеро Байкал, и проблема решалась.

Эд подошел к маленькому здешнему озерцу, с отвращением, сглатывая предательскую слюну, прополоскал свои ладони и оказавшуюся в руках медальку.

– Помыться решил? Я видел, как ты грохнулся. Думал, что нашел чего. Уж очень быстро ты нырнул. О и правда чего-то нашел! Дай глянуть одним глазком. Ну, лиса какая-то. Монгольская, похоже. Лыбится, сволота. Похоже, над нами смеется. – Стоял рядом Зуля и причитал, с тубусом и без шлейфа пьяных мух.

В ладони у Эдварда лежала жёлтая медаль с рожицей хитрой смеющейся лисицы, которая словно предлагала новому владельцу себя в качестве охранной грамоты на ближайшее неизведанное время.

Подкинув в руке неведомую цацку, Эд окинул взглядом придорожные кусты, заметил в них спящую козу, выпущенную на вольные хлеба, прицелился и... бросил медаль в

Ключ на старт

– Извините, извините... да извините вы. Да пошел ты... Дай пройти... встал, как лошадь, ни туда, ни сюда. Девушка, скажите, я могу...? Слушайте, вы! Сволочь, чего мне в бок-то суете? Девушка, я могу...? Ты, урод, я же сказал... Девушка, вот деньги... Дайте мне... ага... ага... мне. Два билета. Куда? Не знаю. Главное, чтоб сутки ехать. Ага. Во. Спа... Ну, убогий, ты напросился. – Почти полностью сорвав голос и едва не лишившись всех нервов, Эдвард наконец-то приобрел долгожданные билеты в неизвестном направлении.

Дело оставалось за малым: встретить дольщика, с которым было обговорено место и время встречи, и дожждаться поезда, который увезет их в неведомые края.

Выйдя из здания вокзала и по-прежнему находясь под сильным, неизгладимым впечатлением от крайней невоспитанности отъезжающих, Эд сразу же увидел Зулю, державшего в одной руке тубус, а в другой руку рыжего чудовища, по вине которого заведующая почтой лишилась всех привинченных, прикрученных, приклеенных и прибитых ручек, ну и своего «паркера» в том числе.

Эдварда такой расклад явно не устраивал, и он решительным шагом направился к стоящей у столба парочке, полный

решимости закатить скандал.

Увидев подходящего компаньона, Адриан заулыбался, зачесался и спрятал рыжего за спину, состроив при этом отсутствующую мину.

–Слышь, Зуля, ты чего, за клюквой собрался? Что за наряд? Сапоги болотные, плащ какой-то покоцанный. Харя вся в газетах. Шапка зимняя. Клещ, какой-то рыжий, рядом. Ты чего? Нам ехать сутки. Тебя сейчас в исправдом заберут, личность выяснять. С какой ты помойки сюда явился? Валенки бы одел, на улице лето. Забыл, что ли, от волнения? Я с тобой с таким не поеду – Эд сделал движение в сторону, показывая всем видом, что собирается уходить, но немножко задержался.

Напарник взял его за локоть и виноватым голосом залепетал:

– Сейчас все расскажу. Сейчас... сейчас... С чего начнем?

– С него, – тоном, не терпящим возражений, сказал Эд и ткнул пальцем в рыжего юнца. – Кто это, моншер? Где ты его надыбал?

– Это мой друг! То есть мой новый, внезапный друг! Я встретил его сегодня случайно, возле валенок чугунных. Он там стоял и не знал, что к нему идет избавление в моем благородном лице. Он «потеряшка», отстал. Правда я не понял, от кого, но ему, он сказал, надо ехать. Я решил, может, ему надо ехать с нами? Ты сам с ним поговори. Он тебе лучше всё расскажет. Давай возьмём его с собой. Довезём его до дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.